

Сарышахин Дильбер

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Данная статья посвящена звукоизобразительной системе (далее - ЗИС) турецкого языка. В статье обозначены основные проблемы и перспективы, связанные с изучением данной темы. К проблемным вопросам были отнесены выделение звукоизобразительных лексем турецкого языка в отдельный класс (часть речи); отсутствие монографических работ, посвященных фоносемантическим особенностям ЗИС турецкого языка; вопрос взаимосвязи звучания и значения. В качестве перспективы предлагается дальнейшее изучение фоносемантических особенностей ЗИС турецкого языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-3/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 3. С. 144-147. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.512.1

Данная статья посвящена звукоизобразительной системе (далее – ЗИС) турецкого языка. В статье обозначены основные проблемы и перспективы, связанные с изучением данной темы. К проблемным вопросам были отнесены выделение звукоизобразительных лексем турецкого языка в отдельный класс (часть речи); отсутствие монографических работ, посвященных фоносемантическим особенностям ЗИС турецкого языка; вопрос взаимосвязи звучания и значения. В качестве перспективы предлагается дальнейшее изучение фоносемантических особенностей ЗИС турецкого языка.

Ключевые слова и фразы: турецкий язык; звукоизобразительная система; звукоподражательная лексика; звукоименная лексика; фоносемантика.

Сарышахин Дильбер

Санкт-Петербургский государственный университет
dilbersarisahin@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Звукоизобразительные лексемы (далее – ЗИЛ) являются одной из ярких характерных особенностей устной турецкой речи и представлены в довольно большом количестве. Настоящая статья посвящена звукоизобразительной системе (ЗИС) турецкого языка и ставит своей целью обозначить общие проблемы и перспективы изучения звукоизобразительности в тюркском языкознании.

В первую очередь стоит отметить, что выделение ЗИЛ в отдельный класс лексем (в отдельную «часть речи») до сих пор разделяют не все тюркологи. В тюркологии, в частности, вопрос выделения частей речи вообще не является решенным, и имеются различные классификации, включающие от восьми до четырнадцати классов слов. Автор данной статьи, опираясь на функционально-семантический подход, придерживается мнения, согласно которому звукоизобразительная лексика (ономатопы, звуко-образо-подражательные слова) турецкого языка представляют собой отдельный класс лексем [5].

В подтверждение данного положения можно привести несколько тезисов. **Во-первых**, характерной особенностью ономатопов турецкого языка является то, что они обладают большим словообразовательным потенциалом и от них в большом количестве образуются производные лексемы: существительные, наречия, глаголы. Например, производными от ономатопа **cız** «подражание шипению огня, треску, хрусту, скрежету» являются: существительное **cızır** (с тем же значением), глагол **cızırdamak** «шипеть, трещать, хрустеть, скрежетать». А от этого глагола образовано существительное **cızırtı** «шипение, треск, скрежет, скрип, хруст». Ономатоп **hor** «подражание храпению, рокоту, грохоту» присутствует в составе глагола **horuldamak** «храпеть» и существительного **horultu** «храп, урчание, грохот». От лексем **şap** ~ **şapır** «подражание громкому поцелую, чмоканию» порождено существительное **şapırtı** «чмокание, чавканье» и глагол **şapırdatmak** «чмокать, чавкать». **Во-вторых**, в высказывании звукоподражания могут выступать в различных синтаксических функциях, в функции подлежащего, сказуемого, обстоятельства. Например:

(1) *El ele vurunca şakırdar* [17, s. 618]. / ‘Рука хлопает при ударе о другую руку’ (здесь и далее перевод автора статьи – Д. С.).

(2) *Şappadak içeri giriverdi. Dişlerini gıcırdattı, çene kemikleri oynadı* [19, s. 77]. / ‘Он ворвался в комнату. Зубы у него скрежетали, желваки ходили ходуном’.

(3) *Yeri göğü dolduran bir uğultu koptu* [Ibidem, s. 10]. / ‘Разразился гром (громохание), заполнивший все вокруг’.

К тому же, несмотря на значительные шаги в изучении разных аспектов звукоизобразительности в тюркских языках, до сих пор не существует отдельных работ, посвященных классификации ЗИЛ турецкого языка с точки зрения их фоносемантических особенностей. Так, пионером в изучении звукоизобразительности в тюркских языках был Н. И. Ашмарин. В своем исследовании «О морфологических категориях подражаний в чувашском языке» он рассматривает морфологические особенности данного класса лексем. По мнению Н. И. Ашмарина, особенностью подражательных лексем в тюркских языках является однообразие их строения, так как они подразделяются по четко очерченным группам (рядам), легко укладываясь с совершенно определенными формами [2]. Звукоподражательные и образные слова были впервые выделены как особая часть речи Л. Н. Харитоновым [15]. Другой известный тюрколог А. М. Щербак в своей работе «Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: наречие, служебные части речи, изобразительные слова» дает общий обзор и классификацию изобразительных слов в тюркских языках [16]. Аспекту звукоизобразительности в различных тюркских языках посвящены отдельные разделы трудов по тюркской грамматике. Так, например, Н. А. Баскаков уделяет особое внимание данному классу слов в составе каракалпакского языка [3], Н. К. Дмитриев – в составе башкирского языка [7], А. И. Исхаков – в казахском языке [9], Г. Е. Корнилов – в чувашском языке [11]. Академик А. Н. Кононов в «Грамматике турецкого языка» рассматривает морфологические и морфонологические особенности звукоизобразительных слов [10]. Большинство турецких исследований по звукоподражательности представляют собой статьи и тезисы. Единственный монографический труд, посвященный ЗИЛ турецкого языка, написан

турецким лингвистом Х. Зульфийаром [23]. Его труд представляет большой интерес с точки зрения полноты собранного материала. Х. Зульфийар в своем исследовании, включающем также словарь, анализирует с точки зрения звуковой и грамматической структуры около 4000 слов звукоподражательного происхождения.

Вообще, проблема звукоизобразительности тесно связана с проблемой происхождения языка, и уже – с проблемой соотношения звука и значения. Вопросом о внутренней связи звука со значением занимались многие ученые-лингвисты. В их числе В. Воронин [4], В. фон Гумбольдт [6], А. П. Журавлев [8], В. В. Левицкий [12], Э. Сепир [13] и др.

Многие годы в лингвистике доминировал принцип произвольности языкового знака, сформулированный Ф. де Соссюром [14]. Согласно данному принципу, «связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна; поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым, то эту мысль мы можем выразить проще: языковой знак произволен» [Там же, с. 100]. Однако этот принцип сегодня оспаривается многими лингвистами. Так, на аргумент сторонников теории о том, что один и тот же предмет в разных языках называется разными звуковыми сигналами, Н. И. Ашмарин отмечал: «Несходство однозначных подражаний в языках может иногда объясняться и тою причиною, что один народ воспринял слуховую, а другой – зрительную сторону явления: в первом случае мы имеем акустический, во втором – зрительный тип подражания» [1, с. 57]. О содержательности звуков речи говорил и А. П. Журавлев: «Ореол содержательности звучания, или фоносемантический ореол, есть у любого слова, только чаще всего мы его не замечаем» [8, с. 74]. В. Гумбольдт в работе «О различии строения языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» обращает внимание на возможность звуков выражать определенный смысл: «звук <...> своим индивидуальным качеством указывает на качество обозначаемого предмета, так как его индивидуальное качество всегда соответствует свойствам предмета и тем впечатлениям, которые предмет оказывает на восприятие говорящего» [6, с. 79]. С. В. Воронин обосновал закон множественности номинации и пришел к выводу, что «язык имеет звукоизобразительное происхождение, и звук на начальном этапе филогенеза отприродно (примарно) мотивирован, изобразителен» [4, с. 145].

С. В. Воронин предложил четкое разграничение звукоизобразительной системы любого языка на: 1) звукоподражательные лексемы, план выражения которых в подражательном виде передает звуки окружающего мира (например, тур.: *çat / çit* – звук, возникающий при разломе хрупкого предмета [22, s. 442], *tak* – грубый звук удара твердых предметов [Ibidem, s. 2117], *tik* – тик-так, звук тиканья часов [Ibidem, s. 2223]); 2) звуко-символические лексемы – лексем, которые возникли в языке под влиянием ощущений и чувств и которые символически выражаются посредством определенных акустических особенностей звуков речи (например, тур.: *kös kös oturmak* – сидеть с хмурым видом, *badi badi yürümek* – ходить вперевалку, *kımıl kımıl* – беспрестанно двигаться; шевелиться) [4, с. 107]. При этом важно, что «звукоизобразительными являются не только те слова, которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью “между звуком и значением”, но и все те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых... эта связь выявляется» [Там же, с. 22].

Звукоподражания представляют собой тип слов, в основе которых лежит закономерная, произвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым (акустическим) признаком денотата. Звукоподражательные лексем, языка являются такими единицами, которые отличаются от других лексем тем, что в них без труда обнаруживается связь между означаемым и означающим. Эта связь – подражание существующим в реальности звукам – делает их не только мотивированными знаками, но и используется как дополнительное коммуникативное средство, облегчающее восприятие их коммуникантами [5, с. 103]. Звукоподражание как явление служит для образования слов путем имитации звуков окружающей действительности средствами языка. Например, звук, передающий звон стекла или металлических монет ‘**çing**’ или ‘**çın**’; звук ботинок при хождении человека туда-сюда во время длительного ожидания ‘**bam bam**’; звук удара о плоский предмет ‘**pat**’; звук при падении предмета на широкую поверхность ‘**şak**’. Как следует из приведенных примеров, эти слова не связаны с передачей эмоциональных состояний, а практически все из них «отражают в подражательном виде шумы и звуки, которые издают одушевленные и неодушевленные предметы в окружающей человека действительности» [17, s. 240].

Следует отметить, что для звукоподражательных лексем турецкого языка характерна редупликация корня и функционирование в качестве парных сочетаний. Например, тур.:

(1) *Şık şık eden nalçadır, işi bitiren akçedir* [Ibidem, s. 626]. / То, что стучит, это подкова; то, что завершает любое дело, это деньги.

(2) *Pata küte dövduk mövduk* [20, s. 75]... / Мы подрались, надавав друг другу **оплеух**...

Звукосимволизм подразумевает закономерную, произвольную, фонетически мотивированную связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации незвуковым (неакустическим) признаком денотата (мотивом). Данное явление изучено не в полной мере, и встречающееся в различных языках сходство звукосимволических основ не поддается пока простому логическому объяснению ввиду более сложной, чем при звукоподражании, связи между денотатом и признаком, положенным в основу номинации. Если «для звукоподражательного слова всегда имеется полная ясность относительно возможных признаков, полагаемых в основу номинации (эти признаки всегда представляют собой звук)» [4, с. 87]. С этой точки зрения, найти четкое определение звукосимволическим единицам, о которых идет речь, как отдельному типу звукоизобразительных лексем, несколько сложнее. Различные исследователи выдвигали свои предположения,

связанные с вопросом первичной мотивации значения звуко-символизмов, однако в основном в качестве исходных факторов называют признаки движения, световые явления, внешний вид (размер, форма), физиологическое и душевное состояния (неудовольствие, отвращение). По мнению С. В. Воронина, в основе языкового значения **звуко-символизма** находятся характерные признаки некоего явления, которое было воспринято не органом слуха, а каким-либо другим из человеческих органов чувств [Там же, с. 87-88].

Чтобы прояснить функциональную сущность турецких звуко-символизмов, необходимо рассмотреть некоторые примеры употребления данных языковых единиц в турецкой речи:

(1) *Ada vapuru yandan çarklı / Bayraklar donanmış **cafcacflu*** [18, s. 26]. / 'Пароход, курсирующий по островам, – помпезный, так как украшен флагами'. Лексема '**cafcacflu**' имеет два четко выделяемых смысла: 1) болтовня, многословие; 2) помпезность, показуха [22, s. 376]. По всей видимости, данным словом передается практически наглядное изображение внешнего вида парохода. В этой ситуации речь не может идти об имитации какого-либо звука окружающего мира, слово '**cafcacflu**' в данном случае употребляется в качестве ассоциации с внешней показной красотой флагов парохода. В принципе же можно предположить, что в турецком языковом сознании этот звуковой комплекс возник, как символизация чего-то чрезмерного, напыщенного, нарочито изобилующего какими-то внешними характеристиками.

(2) **Bel bel bakmak**, имеющее значение *бессмысленно и долго смотреть в одну точку* [Ibidem, s. 259]. Здесь, как становится понятно, повторяющаяся лексема '**bel bel**', которую мы могли бы включить в группу синестемизмов или звуко-символических средств, выражает посредством своего формального облика не какой-то природный звук, а при помощи ассоциаций символизирует какое-то объективное событие и соотносит его с определенным фонетическим комплексом конкретного языка. В турецком языке можно встретить большое количество подобных звуко-символизмов, например: *bol bol yiye* 'человек, который много ест (обильно, без меры, без ограничений)': *Bol bol yiye, bel bel bakar*. / 'Тот, кто обильно ест, тупо и бессмысленно смотрит в одну точку'. Смысл этого высказывания заключается в следующем: тот, кто не отказывается и неразумно тратит то, чем обладает в настоящее время, должен остановиться и задуматься о завтрашнем дне. Ведь если не экономить, а бездумно и неограниченно «проедать» заработанное сегодня, чаще всего можно попасть в бедственное положение, оставшись без регулярного заработка.

(3) **Çiselemek** 'моросить' образовано от звуко-символизма **çis, çise** 'морось'. В данном примере лексема **çis** возникает не как средство, подражающее какому-то звуковому изображению, а как результат мыслительного отражения объективной ситуации.

(4) *Şu anda, dünyanın en büyük korkusu içinde **debeleniyordu*** [23, s. 424]. / 'В тот момент я **корчился** в приступах самого большого страха в мире'. Глагол **debelenmek** в речи употребляется в двух смыслах: либо для изображения действия, когда некто, упав на землю под влиянием боли или желая освободиться от какого-то принуждения, колотит в воздухе руками и ногами, 'корчиться, биться в конвульсиях'; либо для описания действия, которое совершается мучительно долго, но не приносит видимых результатов, 'биться над чем-то'. Но анализируя звуковой состав этого слова, вновь приходим к выводу, что он не отражает каких-либо объективно существующих звуков, но, тем не менее, символически изображает объективную ситуацию.

(5) *Fellik fellik seni arıyorum* [22, s. 769]. / 'Я искал тебя, **в беспокойстве бегая из стороны в сторону**'.

(6) *Kös kös yürüdü gitti* [Ibidem, s. 1384]. / 'Он шел, **задрал голову, не глядя по сторонам**'.

(7) *Gözleri tan yıldızı gibi **par par** yanar* [Ibidem, s. 587]. / 'Его глаза блестя **необыкновенно ярко**, подобно утренней звезде'.

(8) *Çocuklarını **tiril tiril** giydiriyor* [Ibidem, s. 655]. / 'Она одевает своих детей **чисто-пречисто**'.

(9) *Uyuyamıyor, başının **zonkladığını** duyuyor, evini düşünüyordu* [21, s. 18]. / 'Он не мог уснуть, в голове он чувствовал ноющую боль, думал о своем доме'.

(10) *Zonklamak* [22, s. 694]. / 'Испытывать дергающую или ноющую боль'.

Проведенный анализ позволяет согласиться с мнением С. В. Воронина о том, что «в основу номинации звуко-символических слов могут быть положены признаки объектов, воспринимаемые в любой сенсорной модальности человека (кроме слуховой модальности: в этом случае речь уже идет о звукоподражании)» [4, с. 88].

Таким образом, классификация ЗИС на звукоподражательную и звуко-символическую подсистемы является принципиально применимой к материалу турецкого языка. Дальнейшее углубленное изучение ЗИС турецкого языка с позиций фоносемантики представляется перспективным и необходимым, поскольку позволит внести общетеоретический вклад в развитие данной отрасли языкознания.

Список источников

1. Ашмарин Н. И. О морфологических категориях подражания в чувашском языке. Казань: Изд. Акад. центра ТНKP, 1928. 160 с.
2. Ашмарин Н. И. Подражание в языках Среднего Поволжья // Известия Азербайджанского университета. Общественные науки. 1925. Вып. 1-2. С. 143-158.
3. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 544 с.
4. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. 244 с.
5. Гүзев В. Г., Дениз-Ильмаз О. Опыт построения понятийного аппарата теории турецкой грамматики: учебное пособие на турецком языке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 134 с.
6. Гумбольдт В. фон. О различии строения языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода: извлечения // Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX вв. / сост. В. А. Звегинцев. М., 1956. С. 68-86.
7. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 276 с.
8. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 152 с.

9. Исхаков А. И. О подражательных словах в казахском языке // Тюркологический сборник. М. – Л., 1951. С. 103-111.
10. Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 570 с.
11. Корнилов Г. Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 184 с.
12. Левицкий В. В. Семантика и фонетика. Черновцы: Изд-во ЧГУ, 1973. 103 с.
13. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М. – Л.: Соцэргиз, 1934. 224 с.
14. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
15. Харитонов Л. Н. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1943. 84 с.
16. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: наречие, служебные части речи, изобразительные слова. Л.: Наука, 1987. 149 с.
17. Aksoy A. Bölge ağızlarında atasözleri ve deyimler. İstanbul, 2007. 1320 s.
18. Anday M. C. Telgrafhane. İstanbul, 1964. 42 s.
19. Dursun T. Denizın kanı. İstanbul, 2012. 344 s.
20. Korkmaz Z. Güneybatı Anadolu ağızları. Ankara, 1994. 130 s.
21. Seyfettin Ö. Seçme hikayeler. İstanbul, 2013. 176 s.
22. Türkmen S., Yılmaz Y., Zülfikar H. Türkçe sözlük. Ankara, 1998. 2523 s.
23. Zülfikar H. Türkçede ses yansımaları kelimeler. Ankara, 1995. 699 s.

THE PROBLEMS AND PROSPECTS OF STUDYING SOUND-DESCRIPTIVE VOCABULARY OF THE TURKISH LANGUAGE

Sarisahin Dilber

Saint Petersburg State University
dilbersarisahin@gmail.com

The article is devoted to the sound-descriptive system of the Turkish language. The main problems and prospects associated with the study of this topic are identified. The author singles out such problematic issues as the allocation of sound-descriptive lexemes of the Turkish language into a separate class (part of speech), the absence of monographic works devoted to the phonosemantic peculiarities of the sound-descriptive system of the Turkish language and the problem of the relationship between sounding and meaning. As a perspective, the further research of the phonosemantic peculiarities of the sound-descriptive system of the Turkish language is proposed.

Key words and phrases: the Turkish language; sound-descriptive system; onomatopoeic vocabulary; sound-symbolic vocabulary; phonosemantics.

УДК 811.512.157

В якутском языке при исследовании омонимов рельефные названия не подвергались рассмотрению. Целью статьи является выявление лексико-семантических особенностей якутско-тюркско-монгольских параллелей данной лексико-семантической группы. Исследование выявило, что в современном якутском языке существуют 3 основы-омонима, восходящих к тюркской ветви алтайской семьи языков: древнетюркские, тюркские, общетюркские, межтюркские и 6 основ-омонимов, имеющих тюркско-монгольские параллели.

Ключевые слова и фразы: якутский язык; основы-омонимы; рельеф; иноязычные параллели; алтайские языки.

Семенова Екатерина Васильевна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
sevskn@mail.ru

ОСНОВЫ-ОМОНИМЫ РЕЛЬЕФНЫХ НАЗВАНИЙ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА, ИМЕЮЩИЕ ТЮРКСКИЕ И ТЮРКСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Вопрос о сходстве алтайских языков издавна привлекает внимание исследователей. На этом фоне своеобразные особенности якутского языка до сих пор вызывают острый интерес среди ученых.

Исследование проведено на материале по исторической лексике якутского тюрколога Н. К. Антонова и изданных томов современного «Большого толкового словаря якутского языка» в сравнении с лексикографическими данными других языков.

В лексике якутского языка основы, имеющие иноязычные параллели, по данным Н. К. Антонова, охватывают почти все основные названия элементов ландшафта [1, с. 15]. Рельеф как компонент ландшафта представляет собой строение земной поверхности [9, с. 623]. В соответствии с данным определением, в современном якутском языке встречаются именные основы-омонимы, обозначающие наименования рельефа. Сравнение словарного материала с иноязычными лексическими элементами выявило, что в лексике современного якутского языка исследуемая группа слов имеет своеобразные особенности.